

В. И. Иванов — В. Ф. Ходасевичу

12 января 1925 г. Рим

Дорогой Владислав Фелицианович,

От Муратовых добыл книгу Вашу: читаю и перечитываю «Тяжелую Лиру» с восхищением конечно, боль, горечь и скорбь исполняют свое высшее эстетическое (— и не только эстетическое!) назначение, когда из их горнила вырывается гимн, — когда

На гладкие черные скалы
Стопы опирает Орфей.

Этот высокий акт преодоления озаряет Вашу лирику необыкновенным, несколько жутким, ибо нездешним отблеском, падающим из мира «страшных братьев»; и проносится по ней мгновеньями ветер «почти свободы». У Бодлэра вырываются порой больные и вместе торжествующие крики этого великолепного дуализма. Из дуализма лирического пафоса вытекает с художественною закономерностью и дуализм формы. Это соединение жестокого веризма и гимнической монументальности. Синтез de l'Ange et de la charogne, как изображение человека — вот Ваше паскалевское задание, выполненное, с редко изменяющим вам мастерством. И как благодарен Вам читатель за то, что эта беспомощная в земной юдоли, хрупкая Психея (вспоминаются свои строки:

Меж пальцев алавастровых лампада
Психеи зябкой теплится едва, —
Алмазная играет синева), —

что эта милая Психея является и бестрепетной и победоносной, несмотря на все пробелы в душе и мире «как бы от пролитых кислот»... Одним словом, обнимаю Вас за «Тяжелую Лиру» горячо.

Вот обо всем этом и хотел я Вам тотчас написать, когда пришло Ваше милое письмо, содержащее и деловой вопрос. На последний

отвечаю так: книжек «Беседы» все не получил, деньги же высланы через банк, в размере 375 лир (или 68 нем. марок) за 9 сонетов, т. е. 126 стихов по расчету, следовательно 25–28 копеек за стих. Но ведь это ни на что не похоже! Принужденный дорожить здесь и теперь каждым грошем, я был приведен этим обстоятельством полностью в уныние. А еще Алексей Максимович писал мне о повышении гонорарного тарифа в виду допущения «Беседы» в Россию!

Поклон Вашей супруге. В прошлом письме я решил познакомиться с нею заочно. К сожалению, стихов ее доселе не видел.

Поклон Алексею Максимовичу. Если можно, помяните меня в молитвах к издателю. Дружески Ваш

Вяч. Иванов

